

СОДЕРЖАНИЕ

- 12 Вместо предисловия:
I Me Mine

ЧАСТЬ 1: I

- 18 Young, Wild & Free
- 34 Stand up and fight!
You're in the army now
- 58 Дипломаты
- 76 Praha, ahoj!
- 90 7.12.1988
- 100 Africa Malaika
- 118 Начало
- 122 Реклама — двигатель!
- 136 О лимонах
и лимонаде
- 164 Рукопожатие
- 180 Наград много
не бывает?

ЧАСТЬ 2: МЕ

198 Счастливое лето
семьдесят второго

208 The Band

222 Ташкент — город
нежный

232 Неизлечимые
последствия
болезни

242 Папа

246 9 Мая

250 Во имя Отца

WE

ЧАСТЬ 3: MINE

- 262 Back in the U.S.S.R.
- 272 Градский
- 276 Голос. Навсегда
- 280 В Гямрезе
всё спокойно
- 286 Звёзды футбола
- 292 Мысль
- 308 Вместо послесловия
- 310 Благодарности

MNE

Посвящается Сергею и Анне

I ME MINE¹

Вместо предисловия

1 Песня группы The Beatles из альбома *Let It Be*, релиз состоялся в 1970 г. В 1980 г. с таким же названием была издана автобиография Джорджа Харрисона. — *Прим. авт.*

I Me Mine. Именно так называется одна из самых ярких песен Джорджа Харрисона, гитариста The Beatles. Я ее знаю, слушаю и люблю с самого детства. Любил тогда скорее мелодию и вальсовую ритмику. Я, признаться, никак не мог понять, что значат эти самые «Я, Мне, Мое». Сначала, пока я был пионером и комсомольцем, я подозревал, что именно из-за таких произведений, нацеленных на собственничество и воспевание своего эго, и запрещена у нас вот эта вот музыка, которая мне, черт побери, так нравится. Но ведь как только начинают петь про дружбу-любовь-коллектив, тут же всё превращается в ненавистное ВИА... Но что это всё-таки за «Я, Мне, Мое»? Откуда это у молодых британских ребят? До нас доходили слухи об их различных выходках и необычных поступках типа жениться на японке на семь лет старше себя, устроить антивоенную акцию, голыми лежа в кровати на глазах у всего человечества, увлечься индуизмом и назвать своим Учителем какого-то Рави Шанкара из Индии...²

При живых Рерихах и большой советско-индийской дружбе нам было совсем непонятно, что могло их, великих и гениальных музыкантов, туда привести.

Многим позже, повзрослев и научившись пользоваться интернетом, я обнаружил, что смысл в песне I Me Mine прямо противоположен тому, что я слышал и понимал в пору своей юности. Оказывается, это отсыл к древнему писанию «Бхагавад-гита», где, в частности, в главе 2:71 говорится: «Они всегда вольны отказаться от эгоистичных желаний и вырваться из клетки эго «Я», «Мне», «Мое», дабы соединиться с Господом. Это высшее состояние. Достигнув его, можно перейти от смерти к бессмертию»³.

Оказывается, это о том, что надо отойти от «Я» и «Мое» и прийти к великой идее мира и покоя.

То есть надо отдать, надо поделиться, надо не тешить свое эго, а раздать. И спокойно двигаться дальше. К Свету и Миру.

* * *

Эта книга ни в коем случае не является моей автобиографией. Это не летопись и не хронология моей жизни. В ней было гораздо больше событий и людей, которых я помню и люблю. Тут собраны истории, которые, как мне кажется, в таком вот документально-художественном изложении могут показаться интересными не только мне. Это всё события, происходившие много лет тому назад, но именно так оставшиеся, сохранившиеся в моей памяти. Наверное, где-то приукрашенные, а где-то упускающие какие-то детали за давностью лет.

Конечно, в памяти есть еще невероятно много воспоминаний, эпизодов, наблюдений, лучей, запахов, света, но обо всём этом написать невозможно, да и передать все это тоже ой как сложно.

Я очень надеюсь, что кому-то будут интересны глобальные события, на фоне которых происходили разные ситуации из моей жизни. А кому-то захочется залезть в интернет, чтобы поподробнее узнать о чем-то упомянутом тут вскользь.

Хотел бы сразу попросить прощения у всех тех, кого не упомянул или упомянул недостаточно. Это меня мучило всё время работы над книгой. В итоге я решил, что это просто истории: грустные и веселые, поучительные и не очень. Разные. Это скорее

о событиях и, конечно, о людях, в них принимавших участие. Поэтому скажу сразу всем, с кем встречался в жизни, огромное спасибо за дружбу, уроки, поддержку, конкуренцию, совместную работу. Написать про всех — невозможно. А вот любить всех, с кем прожита жизнь, — это правильно и закономерно.

Более того, дабы избежать разного рода недопониманий, я изменил многие имена. Так что если вам кто-то покажется слишком знакомым персонажем — я тут ни при чем.

2 Рави Шанкар (1920–2012) — индийский музыкант, композитор, философ. — *Прим. ред.*

3 Бхагавадгита — памятник древнеиндийской религиозно-философской мысли на санскрите. Один из базовых текстов индуистской философии. — *Прим. ред.*

YOUNG, WILD AND FREE¹

1 «Молодой, дикий и свободный» (англ.) — песня исполнителей Snoop Dogg и Wiz Khalifa, релиз состоялся в 2011 г. — *Прим. ред.*

Детство

Ну а если серьезно, детство у меня было насыщенное. Прежде чем пойти в школу, я успел поменять, как теперь принято говорить, три локации. Родился в Ереване. Здесь же научился ходить и, чередуя русские и армянские слова, изъясняться. Говорят, получалось весело. В три года был релоцирован во второй тогда по значимости город в Армении, называвшийся Ленинакан. Папу в его тридцать четыре года назначили на вторую по важности должность в городе. Как мне потом рассказывали, я довольно серьезно там мажорил. В частности, по дороге из детского сада в киоске с мороженым цинично брал любимое эскимо и, не платя, невзирая на протесты продавщицы и нянечки, нагло съедая лакомство, удалялся. Оказалось, что не повязали меня только по двум причинам. Во-первых, папа занимал высокий пост, а во-вторых, мама вечером после работы в университете деньги киоскерше таки возвращала, при этом меня, четырехлетнего грабителя-рецидивиста, никогда не ругала.

Там же во дворе ребята постарше научили меня, что если взять воск от свечи и минут пять пожевать, то получается практически настоящая жвачка, которую можно потом еще час-другой, как в американских фильмах, смаковать. Я тогда еще не очень разбирался в кино и неточно понимал, что это такое — американское кино, — но сам процесс меня радовал и увлекал.

Там же пришлось познать и не только радостные стороны жизни. Видя бои старшего брата с мамой за свободу личности, выражавшуюся в отчаянном нежелании Сергея учиться играть на фортепиано, я уже тогда, в неполных пять, дал себе слово, что музыкой не буду заниматься ни-ког-да в жизни. Что ж! Мужик сказал — мужик сделал. Признаться, в более зрелом возрасте я искренне сожалел,

что музыкальной грамоте не обучен, но слова своего пацанского не нарушил.

В пять лет меня свалила тяжелая форма свинки. Говорят, меня разнесло так, что, пока я, бездыханный, возлежал на знаменитых высоких ленинканских пуховых подушках (взбитых бабушками на улице длинными прутьями), соседские пацаны приходили поржать, глядя на то, как мои раздутые щеки покоятся на плечах.

Отдельная страничка биографии в тот период — это мое общение с тогдашними мировыми легендами. Сначала я познакомился с Юрием Гагариным, который присутствовал на какой-то важной гос-тусовке. Увидев забавного карапуза, он не удержался, схватил меня и со словами: «Хочешь стать космонавтом и вот так летать в космос?» — начал отчаянно подбрасывать под потолок. Напомню, что подготовки в спецотряде Звездного городка я в свои три года не проходил. К перегрузкам готов не был. Поэтому, очевидно, нешуточно перепугался. Также очевидно, что в те стародавние времена памперсы еще не были изобретены. Короче, произошел конфуз. Сразу скажу, что он — легенда — не успел увернуться. Вот такой вклад я внес в развитие советской космонавтики. И уже тогда отчетливо понял, что стать космонавтом мне не стоило даже думать, а ведь об этом мечтал каждый советский мальчишка.

А вот когда приезжала Валентина Терешкова, она, несомненно, зная историю моего общения с первым космонавтом, подкидывать меня не стала, а ограничилась парой дежурных вопросов и совместным фото.

Помню, как вся страна оплакивала погибшего при приземлении в 1967 году космонавта Владимира Комарова. Я тогда искренне не понимал, как могут умирать такие из железа сделанные люди. Ведь

космонавтикой нашей и космонавтами гордилась вся страна. Их имена все до единого советские люди знали наизусть. Дома в сервантах стояли их портреты наравне с Есениным и Хемингуэем.

Плакали тогда все, невзирая на возраст, пол и социальный статус.

При всём этом Ленинанкан оставался самым веселым городом в мире. Даже мне, ребенку, это было абсолютно понятно.

Вот вам, например, типичный ленинанканский анекдот:

— А почему Ленинанкан называется Ленинанканом? Ведь вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин ни разу в жизни тут не был и даже мимо не проезжал. Вероятнее всего, он даже и не знал о существовании этого города.

— Странные вы люди. Ну сами подумайте, как еще назвать город, если в нем живет двести тысяч ленинанканцев?

Жилось мне там легко и радостно. Даже необходимость иногда поспешно выбегать на улицу, если начиналось землетрясение, казалась просто приключением — конечно, никому ничем не угрожавшим. А подземные толчки тут были делом вполне себе обыденным и регулярным.

Но мой неугомонный папа решил, что управлять огромным городом не так интересно, как быть дипломатом и посмотреть мир. А для этого надо было пройти обучение в Дипакадемии в Москве, выучить за три года пару иностранных языков и стать сотрудником МИДа. Да и мама тоже в это же время поступила в московскую аспирантуру и начала работу над диссертацией

по своему любимому Кюхельбекеру, которого так же, как и боготворимый ею Александр Сергеевич Пушкин, запанибрата, любовно называла просто Кюхля.

Так я оказался в холодной, неприветливой Москве. Попробуй тут взять эскимо в палатке и вприпрыжку побежать домой. Догонят ведь!

Мы были крепкой и дружной семьей. С братом в свои пять и девять лет на подпольном совете мы решили поддержать родителей, невзирая на то, что отчетливо видели их стратегическую ошибку. Строить козни не стали, хотя пару раз в довольно резкой форме детского нытья предлагали родителям всё бросить и вернуться домой.

В Москве мы несколько месяцев вчетвером жили в небольшой комнате в общежитии с удобствами в конце коридора, что было вполне себе весело. А потом получили трехкомнатную квартиру в новехонькой девятнадцатизэтажной высотке в самом конце тогдашнего Ленинского проспекта. Где я и прожил следующие тридцать три года своей жизни, постоянно куда-то уезжая, но неизменно возвращаясь.

По моему глубокому убеждению, детство заканчивается с началом школы. Именно тут, на юго-западной окраине столицы, я и пошел в первый класс московской средней школы № 257.

Школа

Если вы полагаете, что следующие десять лет я провел тут, вы глубоко ошибаетесь. Помните, я в предыдущей главе намекал на непоседливость своих родителей? Так вот: школ в моей жизни было аж четыре штуки.

Первый и второй класс тут, в Москве. Первую учительницу мою звали Евгения Петровна. Родители говорят, что первого же сентября я вечером

вполне серьезно и озабоченно поинтересовался: «Что? Теперь так будет бесконечных десять лет?» После чего ушел в себя и несколько дней ни с кем не общался.

В первом же классе был представлен главе местной шпаны — авторитетному Сашке Грушину. Он учился в пятом вместе с моим братом и почему-то очень симпатизировал ему, что делало нашу дворовую жизнь в целом безопасной. Сашка в свои двенадцать реально управлял бандой, состоявшей из старшеклассников и даже выпускников школы. Нестандартный ум, умение пить и курить наравне со старшими, а также заканчивающийся срок сидящего в тюрьме по очень тяжким обвинениям старшего брата делали власть Сашкину практически безграничной. Его реально побаивались на районе даже взрослые хулиганы. Ну а мы, воспитанные на книгах Гайдара, понимали, что в двенадцать лет командовать полком не такая уж и редкость.

Помню, как мы в первом классе, едва научившись писать, вместе со Славкой и Лехой переписывали печатными буквами в тетрадку текст народной песни, которую старшие ребята пели под гитару в подъездах. Песня была об американском летчике, воевавшем и подбитом во Вьетнаме. Но даже мы, первоклашки, заговорщически переглядывались, горделиво демонстрируя, что понимаем, но не можем сказать вслух, кто такой тот самый вьетнамский воздушный ас Ли Си Цын². В этой песне помимо сюжета с двойным дном нас еще завораживали слова, смысл которых мы не совсем понимали, но которые нам казались очень пацанскими: гермошлем, катапульта, стропы, да и сам «Фантом» — именно так называлась та песня. Гораздо позже довольно близко к нашей версии ее воспроизвел Егор Летов. Ну а Чиж, немного изменив ее, просто сделал хитом через тридцать лет после тех событий³.

